

Философские возможности советской литературы: поздний Леонид Леонов

А.А. Воробьев

Статья состоит из двух частей. В первой части содержится рассуждение о возможности философствования на материале советской (высокой) художественной литературы. Приведены статистические данные (за последние 10 лет, по материалам 5 ведущих философских журналов и ряда сборников) отображающие современное состояние философской критики русской литературы в целом (дореволюционной традиции, советской традиции, традиции русского зарубежья). Показано, что советская литература в значительной мере находится вне сферы активных философских исследований. Автор статьи обращает внимание на те общественные установки, которые не способствуют развитию философского анализа советской литературы. Вторая часть статьи представляет анализ биографии и идей выдающегося отечественного писателя-мыслителя Л.М. Леонова; на примере его главного труда – романа-наваждения «Пирамида» (1994), выявляется специфика Леонова как мыслителя и его новаторский подход к созданию русского философского романа. Автор статьи выявляет ряд идейных особенностей книги: еретическое миропонимание (по апокрифу Еноха), эсхатологический поиск в свете трагедий XX в., историософское осмысление Советского проекта и судеб России. Также в статье анализируется леоновская критика прогресса. Философское рассмотрение работ Л. Леонова позволяет продемонстрировать актуальность его творчества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, советская литература, литературфилософия, Л. М. Леонов, «Пирамида», апокриф Еноха, эсхатология, историософия.

ВОРОБЬЕВ Андрей Александрович – кафедра философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, 119435, Малая Пироговская ул., д. 1/1.

Аспирант.

andorth@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 20 октября 2018 года

Цитирование: *Воробьев А.А. Философские возможности советской литературы: поздний Леонид Леонов // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 159–166.*

В современных отечественных философских исследованиях особое место занимает философствование на материале русской художественной литературы. В недавнем времени вышел ряд исследований, рассматривающих историю русской философии именно через русскую литературу [Никольский, Филимонов 2008; Никольский, Филимонов, 2009; Никольский, 2012; Кантор 2014; Кантор 2018; Евлампиев 2012]. Появляются работы по писателям-мыслителям [Визгин 2016; Щедрина 2009]. Вместе тем, можно констатировать, что философские труды, в которых компонент анализа советской литературы значителен, практически отсутствуют. Так, советские писатели, проходящие по разряду «соцреализм», практически не попадают в сферу даже филологического анализа, не говоря уж о философском. Что касается философского

анализа литературы русского зарубежья, то с ней случай особый: профессиональная философская мысль, на мой взгляд, своей мощью заслонила философские поиски писателей и в этом плане зарубежные русские писатели оказались вне внимания.

Я попытался посчитать примерное количество философских публикаций, анализирующих творчество деятелей литпроцесса в нескольких ведущих философских изданиях России за период с 2008 по конец 2017 г. При поиске я исходил из того, чтобы в названиях статей указанных ниже изданий присутствовало имя (прямо или опосредованно) писателя (именно писателей, а не поэтов). За основу были взяты материалы пяти философских журналов и сборников: «Вопросы философии» (ВФ), «Философский журнал» (ФЖ), «Философские науки» (ФН), «Историко-философский ежегодник» (ИФЕ). Получилась следующая картина: **Ф. Достоевский** (ВФ: № 11-2008, № 7-2010, № 10-2010, № 4-2011 (раздел), № 12-2011, № 6-2012, № 9-2012, № 2-2013, № 7-2013 (2 статьи), № 2-2014, № 5-2014 (раздел), № 2-2015, № 11-2016, № 1-2017, № 3-2017, № 4-2017, № 5-2017; ФН: № 9-2008, № 3-2010, № 6-2012, № 4-2014, № 4-2015), **Л. Толстой** (ВФ: № 10-2009, № 9-2010 (2 статьи), № 6-2013, № 10-2015 (2 статьи), № 2-2016, № 4-2016, № 5-2017, № 10-2017; ФН: № 1-2014, № 5-2017; ФЖ: Т. 8 № 4-2015), **А. Герцен** (ВФ: № 12-2010 (раздел); ФН: № 2-2013 (раздел), № 5-2014; ФЖ: № 2-2012), **А. Платонов** (ВФ: № 1-2008, № 1-2014, № 3-2014, № 9-2014, № 11-2017; ФН: № 4-2015, № 5-2016), **Н. Гоголь** (ВФ: № 1-2010, № 9-2015, № 4-2017; ФН: № 9-2008), **А. Чехов** (ВФ: № 4-2010, № 6-2012, № 1-2014), **И. Тургенев** (ВФ: № 5-2008; ФН: № 3-2010), **Н. Чернышевский** (ВФ: № 3-2014 (2 статьи)). Имеются статьи, посвященные более поздним писателям — **Л. Андрееву** (ВФ: № 9-2012), **Д. Мережковскому** (ВФ: № 12-2012, № 7-2013, № 4-2015), **Е. Замятину** (ВФ: № 11-2017; ФЖ: № 2-2011), **И. Бунину** (ИФЕ-2017). Советский период, кроме фигуры А. Платонова, представлен слабо: **М. Горький** (ВФ: № 11-2017), **М. Булгаков** (ВФ: № 2-2015), **Б. Пастернак** (ФН: № 10-2014), **С. Кржижановский** (ВФ: № 6-2008) и **Л. Леонов** (ФН: № 5-2016)), **М. Пришвин** (ВФ: № 2-2012; ФН №4-2017). В издании «История философии» (ИФ) подобных статей вообще нет.

Мне представляется, что такое отношение к литературному наследию СССР понятно, но лишь отчасти, и с рядом существенных оговорок, позволяющих не впадать в хулиганство более чем семидесятилетнего периода собственной истории, в том числе, истории мысли. Подобное отношение базируется не на аргументе, а на эпатаживании и особой риторике, что в серьезном диалоге/споре вообще не является чем-то убедительным. А между тем, вне фундаментального прояснения собственной рефлексии (даже если исследователь стоит на позиции признания принципиальной порочности советского проекта) — мы не только ее достоинства всерьез не поймем, но и ошибки не учтем. Ведь есть «высокая» советская литература, находящаяся на полупериферийном положении, и она должна быть проанализирована философски¹ как минимум в четырех ее масштабных именах: М. Горький, Л. Леонов, А. Платонов, М. Пришвин. Выбор имен в данном случае продиктован не столько масштабностью трудов писателей — скорее их изначальной ориентированностью на философское осмысление жизни. Однако, во избежание какого-либо недопонимания или упреков, подчеркну — я не настаиваю на исчерпанности этого списка. И в данном случае для обоснования высказанных утверждений обратимся к трудам русского советского писателя Леонида Леонова.

Фигура Леонова (1899–1994) противоречива: лауреат госпремий, академик АН СССР (1972) (что по отношению к писателям воспринимается скорее подозрительно, чем почетно), «литературный генерал»..., однако творчество Леонова в буквальном смысле «благословил» М. Горький (в присутствии вождя возложил на молодого литератора ответственность за русскую литературу² и тем самым «инициировал» его) [Оклянский 1997, 262]. Сталин лично следил за трудами писателя, иногда книги запрещались (напр., пьеса «Метель»). Леонов дважды был номинирован В. Кипарским на Нобелевскую премию по литературе (1949, 1950) сам выступил номинатором по отношению к М. Шолохову (1965), с которым в жизни они толком и не поговорили [Овчаренко 2002, 174]. И притом, он — писатель с маниакальной требовательностью к себе, к слову, к точности мысли³.

Противоречивость Леонова тем усиливается, что, будучи известным писателем, он уже в советские времена потихоньку «исчезал» из поля читательского зрения и даже стал забытым (иные задавались вопросом — жив ли он), а по отношению к 1990–2000 гг. и вовсе «наглухо забытым». Для творца нет худшей судьбы, чем одновременно в сознании современников быть «бронзой» (с обилием ярлыков: «почвенник», «националист» и проч. вещей, требующих комментирования) и быть забытым, а если и вспоминаемым, то в связи «с юбилейными датами» (как напр., приезд М. Горбачева по случаю 90-летия писателя, обернувшийся конфузом для генсека) [Макаров 2001, 335]. Леонов подходит полностью под триаду «Запрещенный» — «Забытый» — «Забронзовевший», но все это будет и справедливо, и неверно. Характер творчества Леонова от самых ранних произведений до «Пирамиды» не менялся по сути и имел тенденцию только к наращиванию мощи художественного выражения. Если говорить грубо, Леонов сформировался сразу же в своих тематиках-поисках и в особенном, трезво-пессимистичном, еретичном ощущении мира. В нынешнее время Л. Леонов неожиданно «прояснился» и «ожил» благодаря деятельности двух взаимоисключающих друг друга идеологов российского литпроцесса — Д. Быкова и З. Прилепина [Быков 2015; Прилепин 2012].

Вершиной творчества писателя, его акмэ, является роман-наваждение «Пирамида» [Леонов 2013]. Книга задумывалась автором еще до Великой Отечественной, однако в силу разных причин работа над романом то останавливалась, то возобновлялась в новых редакциях, и так продолжалось до издания романа в журнале «Наш Современник» в 1994 г., тогда как реальное время создания текста составило около 40–50 лет. Фактически же, изданная «Пирамида» является черновиком — автор «не успел» подготовить чистовую версию: одни фрагменты в окончательный вариант не вошли, другие при составлении были использованы несколько раз (отсюда некоторая тавтологичность), текст компилировался помощниками ослепшего писателя. Так что вполне уверенно можно утверждать, что роман никогда бы не был закончен вчистую — это вечно пишущаяся книга, книга-в-движении, наподобие особого рода летописи, прекращение составления которой совпадает с фактом смерти ее автора. При этом сверхъемкая и сверхплотная ее структура туманят текст иной раз до такой степени, что невозможно различить позицию автора и позицию его героев [Хрулев 2004 web]. Ю. Оклянский характеризует «эзопов язык» писателя как изощренную систему «умственных плотин» и «шифрограмм» [Оклянский 1997, 197].

Роман, имея подчеркнутую футурную интенцию, писался не для современников — они слишком включены в переживания, в мыслительную и культурную инерцию века, а для потомков, имеющих возможность посмотреть на предшествующие события не «с высоты», а «исходя» из опыта накопленной информации, тем более на события рубежного XX в. Можно утверждать, что роман не совсем является романом — скорее это эсхатологический крик, новая история Иова, рассказанная потомком Иова — еще более далеким своим потомком. «Пирамида» обнаружила тот факт, что все произведения писателя имеют особое религиозное измерение. Отсюда и крайности в оценках писателя: от «слишком советского» до «антисоветского» [Овчаренко 2002, 124–125].

Словосочетание «роман-наваждение»⁴ в оценке этого произведения и эзотерический привкус текста (не в значении «окультиный», скорее — туманный, потаенный), возможно, как раз и сыграли решающую роль в том, что «Пирамиду» не восприняли профессиональные философы, ищущие иные возможности русской мысли.

В творчестве Леонова мы можем увидеть продолжение мучительных поисков Достоевского «взглянуть вкрай», предсозерцать грядущее России, увидеть будущее «народа-богоносца», аллегорически выраженное у Достоевского в судьбах братьев Карамазовых (Алешина святость, Дмитриево гулянье, Иванов нигилизм или холуйство Смердякова). Между тем, Леонов воочию увидел, как «...народ, которого мы величали богоносцем... разрешился от бремени: большевика родил» [Леонов 1983, 35] и начал «раскорчевку предрассудков проклятой старины» со всеми грандиозными последствиями. При этом я настаиваю на имморальном прочтении и «раскорчевки», и «последствий», потому что «моральное» прочтение снова и снова будет загонять

нас в порочный круг выяснения «правых» и «виноватых», уводя нас от философского осмысления произошедшего. «...Когда Достоевский лез в шахту, – писал Леонов, – там было все сделано: Аввакум, Гоголь... Я лезу – шахта взорвана, там трупы... Достоевский – трагедия. Лежат осколки. Был ли народ, который описан у Достоевского? Народ-богоносец, Христа в душе носил...»⁵ [Вахитова (ред.) 2004, 19]. И мы находим в произведениях Леонова сетования о «повреждении гена» [Леонов 1989, 225], тоску по поруганным святыням, очень противоречивое отношение к Сталину и к красной идее вообще. Им тонко обозначены болевые узлы нашей истории, но главный вопрос, который его мучает – в чем же итоговая участь русского народа, произведшего эксперимент над собой, причем, что очень важно, в глазах молчащего Бога⁶. Почти что соловьевская мысль, но уже с опытом XX в., тем более ценная, что она порождена переживанием этого опыта.

Сравнивая-противопоставляя, в частности, А. Платонова и Л. Леонова, В. Арсланов пишет, что «...Леонов умер – воскресить его невозможно» [Арсланов 2016, 92]. Грустных выводов о посмертной судьбе Леонова придерживается и Ю. Оклянский [Оклянский 1997, 292]. Однако не нужно спешить хоронить или противопоставлять гениев – надо прояснять точки их соприкосновения. А что касается «воскрешения Леонова», полагаю, что раз религиозный мыслитель такого масштаба сумел умереть, то именно к нему и справедливо отнести древние слова о зерне, что пало в землю (Ин. XII, 24).

Для Леонова очевидно, что минувший XX в., с его потрясениями и катаклизмами разворачивает перспективу дальнейшего движения истории как «...вступление к возрастному эпилогу человечества...» [Леонов 2013, V, 7] с последующим ее окончанием. По мысли автора «...только чудо (одно из ключевых мыслей-слов в романе – *А.В.*) на пару столетий может отсрочить агонию» [Там же]. В романе две эсхатологических линии: о России и ее исторических судьбах и о человеческой цивилизации в целом. И на первый взгляд кажется, что ничего нового в идее апокалипсиса нет, однако нов здесь, повторюсь, опыт-проживание (=переживание), и опыт-(пере)осмысление: писатель прожил 95 лет и видел распад одной империи (Российской), создание и распад другой (Советской), падение христианства, крах коммунистической «религии», войну и бурный научно-технический прогресс, который провоцирует демографический рост со всеми его последствиями – о чем много мрачных мыслей в книге. Леонов поступил мудро и не превратил *opus magnum* в моралистический трактат, замешанный на обиде или отчаянии. Он вдумчиво доводил свое дело до конца, мучительно выискивая русский логос, национального русского Бога, неся на себе печать судьбы описанных им же «погорельцев» [Леонов 2013, VI, 677].

По-видимому, писатель оказался не просто перед ситуацией раздвоения, а перед разломом: либо, создавая новый вид философского русского романа, сказать о нарастающей жути в гротескных, карнавальных словах (подобно тому, как легендарный Иоанн Патмосский описал эпилог человеческой истории до такой степени символично, что лучшие умы ломают головы, как бы это разгадать), либо умолчать ужас. «В земных печалях, – замечал он, – та лишь и предоставлена нам крохотная утеха, чтобы, на необъятной карте сущего найдя исчезающе-малую точку, шепнуть себе: “Здесь со своей болью обитаю я”» [Леонов 2013, V, 163]. Это не боль западных экзистенциалистов – боль «выброшенности» из жизни, но русская боль погорельца, понявшего, что он и его община, основанные на идеях мессианства и всечеловечности, суть пылинки, существующие в неведомых координатах. И тем усиливается боль, что традиционное небесное заступничество (особый удел – Святая Русь), в свете случившегося опыта XX в. выглядит как отыгравшая свое пластинка («нехватка октанового числа в христианской идее») [Леонов 2013, VI, 213].

Роман «Пирамида» реактуализирует ветхозаветные Книги Иова и Экклесиаста, показывая, насколько злее к XX–XXI вв. оказались поставленные в древних текстах вопросы, которых не должно было быть, ибо Нагорная проповедь уже прозвучала. Поэтому сила вопрошания писателя тождественна словам «вскую оставил мя еси» (Пс. XXI, 2). «Пирамида» – текст глубоко христианский, но как бы «навыворот»,

своим дерзновением балансирующий на грани еретичества и даже сатанизма. Позволю предположить, что Леонов осмелился заглянуть в «тайну антихристову» и был вынужден опытом сказать, что зло, вопреки многовековым церковным заверениям, не просто активно и субстанциально, но необходимо, поскольку «имеет право» возмутиться благоволением Бога к людям [Леонов 2013, V, 129].

Если западное сознание XX в. в лице Т. Адорно высказалось про неуместность «высоких слов» после Освенцима [Адорно 2003, 327–328], то русская мысль в своих недрах рождает религиозную интенцию-предчувствие Леонова об участи погорельцев в эсхатологической перспективе, на фоне которой даже распад страны не так страшен. Опыт Адорно нам понятен в «дистиллированном виде», помещенном в рефлексирующий ум интеллектуала, изучающего западноевропейский логос; опыт Леонова понятен в соприродности ему – хтонической, гностической, святой и дьявольской. Главное, что опыт этот выражен им на родном языке, в России.

Отметим, каким образом писатель передает свои мысли: нет «постановки диагноза» обществу, нет прогнозирования, есть что-то, выходящее за грань – предвидение. Если масштаб коррозии цивилизации к началу XXI в. стал так огромен, то и язык, позволяющий что-то говорить об этом, есть язык проповеди, полифонический монолог и умолчание. И потому нет ни рецепта, ни лекарства – Леонов оставляет того, кто в буквальном смысле «продрался» через «Пирамиду» с ощущением откровения. И речь при этом не идет о каких-либо формах религиозного фанатизма. Он честно предупреждает в начале романа что это – «земная версия» Апокалипсиса, Апокалипсис от Леонова (или Евангелие от Леонова)⁷.

По сути своей, «Пирамида» – это опыт (советского) экзистенциализма. И ключевой вопрос к роману как же такую «глыбу» проглядели?! Ответ на этот вопрос, похоже, был дан в 1978 году: **«Вопрос из зала:** Не кажется ли вам, что вы человек из будущего?

Л. Леонов: Спасибо большое, благодарю вас. Это самый лестный подарок. Спасибо. Лучше цветов...» [Леонов 1989, 238–239]. Это будущее в зловещих красках наступает, и слова «забытого» писателя проступают все яснее, становясь «...теми огненными знаками, которые он начертал на валтасаровом пиру гибнущей, по его мнению, цивилизации» [Непомнящих 2011, 169].

Примечания

¹ Отправным вопрошанием может стать такое: что мог сказать советский писатель-философ, чего не мог сказать советский академический философ?

² Слова М. Горького (в передаче В. Чивилихина), сказанные в начале 1930-х: «Вы, Леонид Максимович, на редкость талантливый человек, Вы – талантливее меня. Я – средний литератор, а Вы – великий русский писатель» [Овчаренко 2002, 116].

³ Один из многочисленных примеров «стиля» работы Леонова описан Дементьевым [Дементьев 1999, 556–557]. Об отношении к таланту [Овчаренко 2002, 119–120]. Слова Леонова: «...точность нужна сегодня литературе, потому что сегодня всякое литературное мышление, литературная работа – это операция на мозгу» [Леонов 1989, 229].

⁴ Подзаголовок «роман-наваждение» означает, что роман, оказался сильнее автора и стал для последнего мукой.

⁵ Слова Леонова (26 сент. 1970 г.) в пересказе (выписки для семинаров) Н. Грозновой.

⁶ «Невольная приходит на ум догадка – не в том ли заключалось историческое предназначение России, чтобы с высот тысячелетнего величия и на глазах у человечества рухнуть наземь и тем самым собственным примером предостеречь грядущие поколения от повторных затей учинить на земле без Христа и гения райскую житуху?» [Леонов 2013, V, 56].

⁷ Прилепин видит и обнадеживающую возможность прочтения романа [Прилепин 2013, 32–33].

Primary Sources in Russian and Russian Translations

Адорно 2003 – Адорно Т.В. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003 [Adorno, Theodor W. *Negative Dialektik* (Russian Translation)].

Вахитова (ред.) 2004 – «Надо искать философский, религиозный ключ, переводить происходящее в высший регистр...» (из бесед Л.М. Леонова с Н.А. Грозновой). Публ. Т.М. Вахитовой (Санкт-Петербург) // Роман Л. Леонова «Пирамида». Проблема мирооправдания / Отв. ред. Т.М. Вахитова. СПб.: Наука, 2004 [Vakhitova, Tamara M. (ed.) “*We need to look for a philosophical*,”

religious clue, to transfer the existence to the highest register..." (from conversations between L. M. Leonov and N. A. Groznova) (In Russian)].

Леонов 1983 – *Леонов Л.* Унитловск // Леонов Л.М. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7 / Примеч. О. Михайлова. М.: Художественная литература, 1983 [Leonov, Leonid M. *Untilovsk* (In Russian)].

Леонов 1989 – *Леонов Л.* Лоция, по которой надо идти // 15 встреч в Останкине / Сост. Т. Земскова. М.: Политиздат, 1989 [Leonov, Leonid M. *The Sailing Direction, Which Have to Go* (In Russian)].

Леонов 2013 – *Леонов Л.* Пирамида. Роман в трех частях. Загадка, Забава (гл. I–VII) // Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5–6. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013 [Leonov, Leonid M. *The Pyramid* (In Russian)].

Лосский 2011 – *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Академический Проект; Трикта, 2011 [Losky, Nikolay O. *History of Russian Philosophy* (In Russian)].

Овчаренко 2002 – *Овчаренко А.И.* В кругу Леонида Леонова: Из записок 1968–1988-х годов. М.: Московский интеллектуально-деловой Клуб, 2002 [Ovcharenko, Alexander I. *In the Leonid Leonov's Circle: From Notes of 1968 – 1988s* (In Russian)].

Ссылки – References in Russian

Арсланов 2016 – *Арсланов В.Г.* Онтогносеология пластической ценности (М. Нестеров, А. Платонов, Л. Леонов) // *Философские науки*. 2016. № 5. С. 79–93.

Быков 2015 – *Быков Д.Л.* Русская Пирамида. Леонид Леонов (1899–1994) // Быков Д.Л. Советская литература. Расширенный курс. М.: ПРОЗАиК, 2015.

Визгин 2016 – *Визгин В.П.* Пришвин и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Дементьев 1999 – *Дементьев В.* Пирамида // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. Сборник с иллюстрациями. М.: Голос, 1999.

Дугин 2011 – *Дугин А.Г.* Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011.

Евлампиев 2012 – *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: РХГА, 2012.

Кантор 2014 – *Кантор В.К.* Русская классика, или Бытие России, 2-е изд., перераб. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014.

Кантор 2018 – *Кантор В.К.* Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Макаров 2001 – *Макаров Н.А.* Вспоминая деда // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

Непомнящих 2011 – *Непомнящих Н.А.* Мотивы русской литературы в творчестве Л.М. Леонова. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2011.

Никольский 2012 – *Никольский С.А.* Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012.

Никольский, Филимонов 2008 – *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Никольский, Филимонов 2009 – *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009.

Оклянский 1997 – *Оклянский Ю.М.* Частная жизнь и тайнопись Леонида Леонова // *Оклянский Ю.М.* Шумное захохотье: В 2 кн. Кн. 2. М.: ТЕРРА, 1997.

Прилепин 2012 – *Прилепин З.* Подельник эпохи: Леонид Леонов. М.: Астрель, 2012.

Прилепин 2013 – *Прилепин З.* Неизвестный Леонид Леонов // Леонов Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.

Хрулев 2004 web – *Хрулев В.И.* Сталин в романе Л. Леонова «Пирамида» // Наш современник. 2004. №8 // <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nash-sovremennik-zhurnal/zhurnal-nash-sovremennik-8-2004/12>

Щедрина 2009 – *Щедрина Т.Г.* Когда уходит «сфера разговора»... По дневникам Г. Шпета и М. Пришвина // Вопросы литературы. 2009. № 4. С. 349–379.

Philosophical Possibilities of Soviet Literature: Leonid Leonov's Last Stage

Andrey A. Vorobyev

The below proposed paper consists of two parts. The first one contains reasoning about the possibility of philosophizing on the matter of the Soviet (high) fiction. Adduced are the statistical data (over the past 10 years, by materials of 5 top-level philosophical journals and collections of articles), which represents the modern authors' lines of inquiry regarding the philosophical critique of the Russian literature as a whole (pre-revolutionary tradition, Soviet tradition, traditions of the Russian emigration). It has been shown that to a considerable degree the Soviet literature does not fall within the field of active philosophical study. The author pays attention to such a social attitude, which does not aid in developing the Russian literature philosophical analysis. The second part of the article gives the analysis of biography and ideas of the prominent domestic writer and thinker L.M. Leonov; by the example of his central work – *The Pyramid*, a novel-delusion (1994) the specific character of L.M. Leonov as a thinker and his pioneering approach to the creation of the Russian philosophical novel are marked. The author reveals a number of some idea peculiarities of the book: heretical world view (according to the Book of Enoch), eschatological looking-for from the standpoint of tragedies of XXth century, historiosophical trying to find the sense of the Soviet project and the destiny of Russia, also in the article, Leonov's criticism against the progress is analyzing. The proposed philosophical review on Leonov's works may be considered as an occasion to actualizing of philosophical analysis with regard to the creativity of great Russian writer.

KEY WORDS: Russian Literature, Soviet Literature, Philosophy of Literature, L.M. Leonov, *The Pyramid*, Book of Enoch, Eschatology, Historiosophy.

VOROBYEV Andrey A. – Department of Institute of Social Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Postgraduate.

andorth@yandex.ru

Received at October 20, 2018.

Citation: Vorobyev, Andrey A. (2019) 'Philosophical Possibilities of Soviet Literature: Leonid Leonov's Last Stage', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2019), pp. 159–166.

DOI: 10.31857/S004287440005349-8

References

- Arslanov, Viktor G. (2016) 'Ontognoseology of Plastic Value (M. Nesterov, A. Platonov, L. Leonov)', *Filosofskie nauki*, 5. pp. 79–93 (In Russian).
- Bykov, Dmitry L. (2015) 'Russian Pyramid. Leonid Leonov (1899–1994)', *Bykov, Dmitry L. The Advanced Course of Soviet Literature*, PROZAIK, Moscow (In Russian).
- Demytyev, Vadim V. (1999) 'The Pyramid', *Leonid Leonov in memoirs, diaries, interviews. A collection with illustrations*, Golos, Moscow (In Russian).
- Dugin, Alexander G. (2011) *Sociology of the Russian society. Russia between Chaos and Logos*, Akademicheskii Proekt, Gaudeamus, Moscow (In Russian).
- Evlampiev, Igor I. (2012) *Philosophy of Man in Dostoevsky's Works (From Early Works to "The Karamazov Brothers")*, RHGA, Saint Petersburg (In Russian).
- Kantor, Vladimir K. (2014) *Russian Classics, or the Being of Russia (2nd ed., rev.)*, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, Moscow, Saint Petersburg (In Russian).

- Kantor, Vladimir K. (2018) *Portraying to Understand, or Sententia sense: Philosophy in Literary Text*, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg (In Russian).
- Khrulyov, Viktor I. (2004 web). 'Stalin in Leonid Leonov's The Pyramid', *Nash sovremennik*, 8, <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nash-sovremennik-zhurnal/zhurnal-nash-sovremennik-8-2004/12> (In Russian).
- Makarov, Nikoay A. (2001) 'Remembering grandfather', *The Age of Leonid Leonov. Problems of creativity. Memory Lane*, IMLI RAN, Moscow (In Russian).
- Nepomniashchikh, Natalia A. (2011) *Russian Literature Motifs in Leonid Leonov's works*, Institut filologii SO RAN, Novosibirsk (In Russian).
- Nikolsky, Sergey A. (2012) *The Russian World Outlook. "New people" as the Idea and the Phenomenon: the Experience of Understanding in the National Philosophy and Classical Literature of 40th – 60th Years of the XIX Century*, Progress-Traditsiya, Moscow (In Russian).
- Nikolsky, Sergey A., Filimonov, Viktor P. (2008) *The Russian World Outlook. Vol. I. Meanings and values of Russian Life in the Philosophical and Literary Works of XVIII – the Middle of XIX Centuries*, Progress-Traditsiya, Moscow (In Russian).
- Nikolsky, Sergey A., Filimonov, Viktor P. (2009) *The Russian World Outlook. Vol. II. How a Positive Business Thing is Possible in Russia: the Search for Answers in the National Philosophy and Classical Literature, the 40th – 60th Years of the XIX Century*, Progress-Traditsiya, Moscow (In Russian).
- Oklyanskiy, Yuri M. (1997) 'Leonid Leonov's Privacy and His Secret Writing', *Noisy Backwoods. In 2 Books. Book 2*, TERRA, Moscow (In Russian).
- Prilepin, Zakhar (2012). *The Accomplice of the Epoch: Leonid Leonov*, Astrel, Moscow (In Russian).
- Prilepin, Zakhar (2013). 'Unknown Leonid Leonov', *Leonov Leonid M. Collected Works in 6 vol. Vol. I. Stories; Novels; The Badgers (a Roman)*, Knizhnyy klub knigovek, Moscow (In Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2009) 'When the *sphere of conversation* leaves... According to the diaries of G. Shpet and M. Prishvin', *Voprosy literary*, 4, pp. 349–379.
- Vizin, Viktor P. (2016) *Prishvin and Philosophy*, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg (In Russian).